

18+

was digr

УЖАС
УЖАС РЕАЛЬНОСТИ

РЕАЛЬНОСТЬ

Vasdigr

Ужас реальности

«Издательские решения»

Vasdigr

Ужас реальности / Vasdigr — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга состоит из трех ужасающих, выдуманных, но не совсем, историй. Они пугают, вызывают неподдельные эмоции, самый настоящий страх. Перед прочтением, лучше взвесить все «За» и «Против» и только после этого приступайте к чтению. Это психологический триллер! Неплохо было бы купить книгу в твердом переплете. Обложка сгенерирована с помощью ГигаЧат.

Содержание

Воспитание	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ужас реальности

Vasdigr

© Vasdigr, 2026

ISBN 978-5-0071-0305-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ужас реальности

Психологический триллер

Vasdigr

2026 Год

Перед началом я сразу прошу издательство очень тщательно проверить всю книгу целиком, перед ее опубликованием посмотрите, пожалуйста, текст. **Это психологический триллер**, и я прошу проверить все и в случае отказа прислать мне уведомление с требованиями о том, что нужно подправить. Пожалуйста, это очень важно.

А теперь дисклеймер. Все совпадения с реальными лицами, людьми, событиями случайны. Я не знаю, что творится у каждого в жизни и в голове, а потому не могу предугадать все. В книге присутствуют сцены распития алкогольных напитков, потребления табака и запрещенных во всех цивилизованных и развитых странах вещества (нет ни одного названия и нет пропаганды), наличия нецензурной лексики, описание насилия и рассказ о событиях и действиях, которые могут показаться аморальными. Автор не признает и не поддерживает все вышеперечисленное, и ни в коем случае не призывает к этому. Никогда в подобном не участвовал и другим не советует. Все будет использовано лишь для полного погружения в мрачную историю, которой никогда не должно быть. Эта книга должна натолкнуть на верные мысли. **Семья — важнейшая ценность, всегда нужно быть порядочным, нравственным и моральным, человеком с большой буквы.**

Дорогой читатель, если издательство одобрит выпуск книги, я должен предупредить тебя. Книга не зря носит такое название. В ней я поднимаю довольно избитые темы, но раз эти проблемы до сих пор существуют, значит, стоит обратить на них внимание (это явно не будет лишним), в надежде сделать мир лучше. Я вложил смысл в каждую строчку, использовал множество приемов и получилось целостное произведение. Но книга ни к чему не призывает.

Она состоит из трех историй, каждая из которых по своей сути является психологическим триллером, и каждая из них серьезно заставит вас задуматься, испугаться, ужаснуться, в общем, вызвать любую реакцию, абсолютно непредсказуемую, за которую я ответ не несу. А потому прошу читать эту книгу только совершеннолетних людей, которые сами сделали такой выбор. Которые отдадут отчет своим действиям и могут

Но опять повторюсь эта книга — **психологический триллер**. Каждая история содержит в себе не одну проблему, и все они возможны, лишь возможны, в реальности. А потому и прошу издательство о жесткой проверке, а читателя сто раз подумать. Я настолько мрачно выразил эти истории, что, перечитывая и внося последние правки, я сам ужаснулся. Создавая подобное,

ты сам становишься невольным участником, а потому мне после этой книжки понадобится небольшой отдых. Скорее всего, я больше не буду творить в таком стиле. Кстати, я не против экранизаций, так что дерзайте, только на съемки позовите, пожалуйста.

Первая история «Воспитание» поднимает проблему о развитии и участии в жизни ребенка родителей. Именно от родителя зависит будущее детей, и здесь рассказывается об абсолютном пренебрежении, постоянных побоях и моральном и физическом унижении по отношению к ребенку. Что из этого может быть? В истории рассказывается о самом радикальном итоге.

Вторая «Преступление» о бедности, до чего нищета может довести человека, и на что он потом становится способным, чтобы выжить. (опять же очень радикально)

Третья «Падение» об измене. Два любящих человека, но это лишь иллюзия, созданная одним для другого, которая потом принесет лишь беды и ужас (очень радикально).

Знание, что эти истории могут быть реальны (а могут и не быть) добавляет ужаса при прочтении, и если ты готов окунуться в «Ужас реальности» и принять возможные последствия, флаг в руки.

Если решился, то желаю тебе огромной удачи

Воспитание

Тишина в этой квартире была не просто отсутствием звуков. Это был хищник. Она краслась по коридору, заглядывала в комнаты, облизывала стены шершавым языком и, насытившись, укладывалась на грудь семилетнего Кирилла, выдавливая из легких остатки воздуха. Он знал повадки этого зверя. Когда тишина становилась особенно жирной и гулкой, как барабанная перепонка перед взрывом, жди беды.

Хлопок входной двери был детонатором. Кир сидел в углу за дверью, вжимаясь спиной в стык холодных обоев. Он пытался стать тенью, если замереть достаточно сильно, можно обмануть время, заставить его пройти мимо. В коридоре грохнули мамины каблуки — резкие, раздраженные, вбивающие гвозди в паркет. За ними — тяжелая, вкрадчивая поступь отца. Не шаги, а удары сердца огромного зверя. Остановка у его двери.

Кир зажмурился, сжав зубами рукав кофты, чтобы не выдать себя даже скрипом челюстей.

Сегодня был утренник. Он играл зайчика. Зайца-труса, как сказала мама, прочитав сценарий. «Типаж — твой». Ему выдали картонную маску с одним ухом. Второе отклеилось еще на репетиции, и учительница, уставшая женщина с печальными глазами, просто примотала его скотчем. На утреннике, глядя в ослепительный прожектор, от которого текли слезы, он забыл слова.

Четверостишие, такое простое, вылетело из головы, как испуганная птица. Зал, полный чужих родителей, захихикал. Смех был жидким, но Киру он показался ревом водопада, смывающим его в небытие. Он стоял, белый, с приклеенным скотчем ухом, и молча открывал и закрывал рот. Мама сидела в третьем ряду. Она не смеялась. Она смотрела на него взглядом, в котором не было ни злости, ни разочарования. Там была брезгливость. Глухое, физиологическое отвращение, как к грязному пятну на новом платье.

Дверь в комнату не открылась. Она взорвалась.

Рука отца, огромная, с вьевшейся в поры технической смазкой, сгребла его за шкуру, как щенка, и выволокла на середину комнаты. Кир не сопротивлялся. Сопротивление — это дополнительная боль. Он обмяк, надеясь, что гравитация сделает его тяжелее, остановит этот полет, но этого не случилось.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Отец рычал и этот рык смешивался с запахом перегара и чего-то кислого. Мать стояла в дверях, скрестив руки на груди. На ее лице застыло выражение праведного гнева, смешанного с наслаждением от собственной правоты.

— Мы пашем на тебя, как волю. Вкалываем, чтобы... чтобы ты мог позорить нас перед всеми?

Удар в спину. Не пощечина — толчок кулаком в позвоночник, от которого искры из глаз.

— Ты — дебил? Отвечай! Ты больной? Мы тебя спрашиваем, мразь ты неблагодарная, ты нормальный вообще?

Кир упал на колени. Боль была не главной. Главным был голос. Этот шипящий, проникающий под черепную коробку шепот матери, пока отец молотил его по спине и плечам.

— Все дети как дети. У Светки из бухгалтерии дочь — отличница, на скрипке играет. А у меня... За что мне это? За какие грехи? Зачем я вообще тебя рожала

Она говорила это почти буднично, и от этого тошнота подкатывала к горлу. Его рождение было грехом. Он сам был наказанием для них. А его мысли? Кому они нужны, эти мысли забитого зверька? Его желания?

Лето, десять лет. Его отправили в школьный лагерь — не потому что хотели дать ему отдохнуть, а потому что он путался под ногами. И там, в душном актовом зале, пахнущем

хлоркой и старыми матрасами, он впервые увидел его. Телескоп. Настоящий, хоть и маленький, учебный. Пожилой астроном-любитель, приглашенный рассказать детям о звездах, дал каждому заглянуть в окуляр. Когда очередь дошла до Кира, он прильнул глазом к холодному металлу и пропал.

Там, в бархатной черноте, усыпанной алмазной пылью, висела луна. Она была не плоской тарелкой, как с земли, а огромным, живым шаром, изрытым кратерами и морщинами. У Кира перехватило дыхание. Сердце, обычно сжатое в комок, вдруг расправилось, застучало сильно и ровно. Он почувствовал что-то, чего не чувствовал никогда — благоговение. И странное, щемящее чувство дома. Словно его настоящий дом был там, среди этих холодных, далеких солнц, где нет криков и запаха перегара. Он смотрел, пока астроном мягко не отстранил его, уступая место другому ребенку.

Всю обратную дорогу в автобусе он молчал, прижимаясь лбом к пыльному стеклу и глядя в темнеющее небо. В его голове, впервые в жизни, родилась мечта. Не желание получить игрушку или конфету, а настоящая, большая, как вселенная, мечта. Он хотел изучать звезды. Он хотел знать, почему они горят, почему падают, что скрывается в черных провалах между ними. Он хотел телескоп, пусть самый маленький, самый дешевый. Решился попросить, впервые за долгое время он осмелился чего-то захотеть вслух.

Вечером, когда отец, уставший, но относительно трезвый, смотрел телевизор, а мать вязала в кресле, Кир подошел к ним. Он мялся в дверях, комкая в потных ладонях рекламный буклет, который ему дал астроном.

— Мам... Пап... Я тут подумал...

Его голос дрожал.

— Ну?

— Можно мне...

Он запнулся, чувствуя, как леденеет в животе.

— Можно мне на день рождения телескоп? Я... я хочу звезды изучать. Это так красиво, вы бы видели...

Тишина. Мать перестала вязать. Отец медленно, очень медленно повернул голову. Он не кричал. Он смотрел на сына с каким-то новым, неподдельным изумлением, смешанным с яростью.

— Чего? Телескоп?

— Там есть недорогие... Я просто очень...

Договорить он не успел. Отец вскочил с дивана, вырвал у него из рук буклет и, не глядя, разорвал его пополам. Потом еще раз. И еще. Мелкие глянцевые клочки посыпались на пол, как мертвые бабочки.

— Звезды он изучать собрался!

Отец взревел, и в его голосе была только злость.

— Мы с матерью горбатимся на двух работах, света белого не видим, а этот дармоед хочет в небо пялиться! А жрать ты что будешь, астроном хренов? Звездную пыль?

— Может, ему еще и скафандр купим?

Мать говорила ледяным тоном, снова берясь за спицы.

— И ракету. Чтобы улетел отсюда и не возвращался. Мечтатель нашелся. Ты сначала заслужи право мечтать, щенок. А пока ты — ноль без палочки. Двоечник, тряпка, позор семьи. Какие тебе звезды?

— Это всё дурь, Это школа его портит, книжки дурацкие. Всё, никаких больше библиотек. Завтра пойдешь со мной в гараж, будешь учиться машину чинить. Хотя какая-то польза будет. А про это забудь.

Кир стоял над клочками своей мечты, глядя на галактики и туманности, превратившиеся в мусор. В этот момент внутри него умерла не просто надежда. Умерла уверенность в том, что

он вообще имеет право хотеть. Это был самый важный урок: твои желания — это мусор. Твои стремления — это ничто. Ты — функция. Ты должен быть удобным, тихим и незаметным, точка.

Одиннадцать лет, школа. Учительница русского языка и литературы, Лидия Сергеевна, была единственным человеком, который смотрела на Кира нормально. Пожилая, с вечно уставшими глазами за толстыми стеклами очков, она видела то, что не хотели видеть другие: его спрятанный ум, его чувствительность. Однажды, после очередного диктанта, она попросила его остаться после урока.

— Кирилл, у тебя очень хороший слог. Ты чувствуешь язык. Я тут узнала... Есть литературный конкурс, городской. Тема: «Мое будущее». Я хочу, чтобы ты написал эссе и подал заявку.

Кир опешил. Конкурс? Эссе? Его?

— Я не смогу.

— Сможешь, ты должен попробовать. Это твой шанс. Победители едут в Москву, на Кремлевскую елку, это престижно. И я помогу тебе, мы будем работать вместе после уроков.

Городской конкурс.. Он никогда не был дальше своего района. Эта мысль была настолько яркой и дерзкой, что жгла изнутри. Неделью он жил как в тумане. Каждый день после уроков он оставался в пустом классе, и Лидия Сергеевна помогала ему оттачивать каждую фразу. Он писал о том, как хочет стать писателем. Как хочет помогать таким же детям, как он. Как мечтает, чтобы в мире было меньше жестокости. Это были самые сокровенные его мысли, которые он не доверял даже изорванному дневнику. И вот они были на бумаге. И учительница, читая черновик, сняла очки и вытерла глаза. Она ничего не сказала, но от этого жеста внутри Кира что-то рванулось к свету, как росток из-под асфальта.

Родительское собрание. Кира с собой не взяли. Он остался дома, сидел в своей комнате и, не дыша, смотрел на дверь, представляя, как Лидия Сергеевна рассказывает маме о конкурсе. О его таланте. Может быть, мама поймет. Может быть, она посмотрит на него другими глазами. Может быть, она будет... гордиться?

Дверь хлопнула. Тяжелые, мужские шаги звучали по коридору — значит, и отец был там. Это плохо, очень плохо. Дверь в его комнату распахнулась. Мать стояла на пороге, и лицо ее было перекошено такой яростью, какой он еще не видел.

— Значит, писатель? Звездный астроном, а теперь еще и писатель? Да ты у нас гений, оказывается!

— Мама, я...

Он попытался что-то сказать, но она подлетела и с размаху ударила его по лицу. Потом еще раз. И еще.

— Ты! Как ты посмел! Ты посмел написать это?! Ты посмел опозорить нас перед всей школой?!

— Что написать? Я просто...

— «Я мечтаю о доме, где не будет криков. Где родители уважают своих детей» Это ты про нас?! Да?! Ты рассказал этой старой дуре, что мы тебя бьем?! Да я тебя сейчас сама убью, тварь неблагодарная!

Отец стоял в дверях и молча курил, стряхивая пепел прямо на пол. Его молчание было страшнее крика.

— Ты понимаешь, что теперь будет? К нам придет опека! Нас могут лишить родительских прав! Из-за тебя! Из-за твоих фантазий! Ты нас под монастырь подвел, мразь!

Мать схватила его за волосы и приблизила свое лицо к его лицу.

— Я не хотел... Я не думал...

— Ты вообще думать не умеешь! Никакого конкурса. Завтра же пойдешь к этой Лидии и при всех, при всем классе, скажешь ей, что ты врун и фантазер. Что ты всё это придумал. Что родители у тебя хорошие, а ты — неблагодарная скотина, которая хочет внимания!

На следующий день он, глотая слезы, стоял перед классом. Лидия Сергеевна смотрела на него, и в ее глазах было не осуждение, там была боль и жалость. Такая глубокая, что лучше бы она его ненавидела.

Он, запинаясь, повторил заученный текст. Что он всё выдумал. Что он хотел прославиться. Что он лжец. Голос срывался. Одноклассники хихикали. А он в этот момент умер во второй раз. Умерла его вера в то, что хоть кто-то может ему помочь. Что взрослые могут быть справедливыми. Даже лучший учитель в мире, столкнувшись с волей его родителей, оказалась бессильна. Она больше никогда не просила его остаться после уроков. Она отводила глаза, проходя мимо. Сдалась, как и все.

Двенадцать лет, родительский день в школе. В школе был день открытых дверей. Родителям показывали классы, рисунки на стенах, поделки из пластилина. Кир никогда не ждал этого дня. Он знал, что его поделка — косой, кривобокий кораблик с оловянными солдатиками — будет самым убогим.

Учительница музыки, молодая и восторженная, организовала маленький концерт. Дети играли на инструментах, пели, читали стихи. Кир не выступал. Но он стоял за кулисами, вжимаясь в пыльную бархатную штору, и смотрел, как сияет Ленка Сомова, играя на скрипке простенькую мелодию. Как ее мать, сидящая в зале, прижимает руки к груди и плачет от умиления. Кир представил на мгновение, что он — на ее месте. Что он играет на скрипке, а его мама плачет от счастья. Но у него не было скрипки. У него вообще ничего не было. Кроме желания однажды тоже так стоять на сцене и чувствовать не страх, а гордость.

После концерта он нашел учительницу в пустом классе. Она собирала ноты в папку и напевала себе под нос. Кир долго мялся у двери, пока она его не заметила.

— Кирилл? Ты что-то хотел?

— Анна Павловна... А можно... можно мне тоже попробовать? На чем-нибудь играть?

Учительница посмотрела на него внимательно. Она знала его как самого тихого, самого забитого мальчика в параллели. Вечно в синяках, вечно с пустым взглядом.

— Можно, у нас есть свободное пианино. Если хочешь, оставайся после уроков. Я с тобой позанимаюсь. Бесплатно. У тебя, знаешь, пальцы длинные, музыкальные. Может, у тебя талант.

Талант. Это слово обожгло его, как кипяток, и в то же время согрело. Он бежал домой как на крыльях. Впервые он не боялся открывать дверь. Он влетел на кухню, где мать чистила картошку, и, захлебываясь словами, рассказал. Про пианино, про бесплатные уроки про музыку.

Мать слушала молча. Потом положила нож, вытерла руки о передник и посмотрела на него. Не с яростью. С усталым, убийственным равнодушием.

— Ты думаешь, у нас есть деньги на музыку?

— Но это бесплатно! Анна Павловна сказала...

— Бесплатный сыр только в мышеловке, а даже если и бесплатно. Ты лучше подумай: зачем тебе это? Чтобы брэнчать целыми днями и мешать отцу отдыхать после смены? Чтобы соседи жаловались? Это всё баловство. Иди лучше уроки делай. У тебя тройка по математике. Вот о чем надо думать. А музыка... Сыграешь еще на моих нервах. Иди, не путайся под ногами.

Он не пошел, не ослушался. На следующий день он тихо, как мышь, просидел все уроки, а когда прозвенел последний звонок, вместо того, чтобы идти в кабинет музыки, поплелся домой. Анна Павловна встретила его в коридоре через неделю, в ее глазах был вопрос. Он отвел взгляд и прошел мимо. Она не окликнула его, поняла или просто забыла. Какая разница? Музыка умерла в нем, не родившись. Еще один росток был вырван с корнем и брошен гнить на асфальт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.